

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦВЕТОВОЙ ЛЕКСИКИ В ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОХОДНЫХ И ВОЕННО-БЫТОВЫХ ПЕСНЯХ ЛИНЕЙНЫХ КАЗАКОВ КУБАНИ (НА ПРИМЕРЕ ЦВЕТОЛЕКСЕМ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ СВЕТЛУЮ ЧАСТЬ СПЕКТРА)

Епатко Татьяна Александровна

Кандидат филологических наук, доцент, Краснодарское
высшее военное авиационное училище летчиков
им. А.К. Серова
epatko.t.a@yandex.ru

Бурдун Светлана Владимировна

Кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Краснодарское высшее военное авиационное училище
летчиков им. А.К. Серова
010670@bk.ru

Белоусова Ольга Анатольевна

Преподаватель,
Краснодарское высшее военное авиационное
училище летчиков им. А.К. Серова
elpashevaoo@mail.ru

SOME ASPECTS OF THE FUNCTIONING OF
THE COLOR VOCABULARY IN HISTORICAL
AND MILITARY SONGS OF THE KUBAN
LINE COSSACKS (USING THE EXAMPLE OF
COLOR LEXEMES DENOTING THE LIGHT
PART OF THE SPECTRUM)

**T. Yepatko
S. Burdun
O. Belousova**

Summary: The purpose of the article is to describe the semantics of color lexemes denoting the light part of the spectrum in historical and military songs of the Kuban line Cossacks. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time the system of folklore color designations based on the regional material of Kuban Cossack songs is considered. As a result of the study, it was revealed that the tokens denoting light colors actualize this 'own' and have a positive evaluation. The main meanings realized by these color lexemes in the songs of the Kuban line Cossacks were also described.

Keywords: folklore Cossack songs, color vocabulary, color designations, color lexeme, color epithet, sema, contextual meaning.

Аннотация: Цель статьи – описать семантику цветолексем, обозначающих светлую часть спектра в исторических, походных и военно-бытовых песнях линейных казаков Кубани. Научная новизна работы заключается в том, что впервые рассматривается система фольклорных цветообозначений на региональном материале кубанских казачьих песен. В результате исследования было выявлено, что лексемы, обозначающие светлые цвета, актуализируют сему 'свой' и обладают положительной оценочностью. Также были описаны основные смыслы, реализуемые этими цветолексемами в песнях кубанских линейцев.

Ключевые слова: фольклорные казачьи песни, колоративная лексика, цветообозначение, цветолексема, цветовой эпитет, сема, контекстуальное значение.

Цветовая лексика в фольклорных текстах, по мнению многих исследователей, традиционно несет важную смысловую нагрузку [4, 13, 19, 20]. В данной статье в качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение, что семантические функции цветолексем в исторических, походных и военно-бытовых песнях кубанских линейцев выходят за рамки собственно цветообозначения. Актуальность статьи обусловлена недостаточной разработанностью ряда вопросов, связанных с изучением языка кубанского фольклора, в частности кубанских казачьих песен в плане функциональной семантики в их текстах различных наименований цвета.

В работе решаются следующие задачи: отобрать тексты исторических, походных и военно-бытовых песен линейных казаков, включающие в себя колоративную

лексику, которая обозначает светлые цвета спектра; определить этимологию данных лексем; выявить основные и контекстуальные значения, реализуемые этими цветолексемами в текстах казачьих песен.

В статье применялись следующие **методы исследования:** метод сплошной выборки и количественной обработки материала; метод систематизации выбранных языковых единиц; метод контекстного анализа их семантики; лингвокультурологический метод, направленный на анализ связи между явлениями языка и культуры.

Теоретической базой данной статьи стали труды ученых в области славянского фольклора и славянской ментальности: А.А. Потемни [14], Костомарова [10], в сфере лингвофольклористики: В.И. Ерёминой [4],

А.Т. Хроленко [19, 20], а также исследования регионального фольклора О.В. Кондрашовой и И.В. Шельдешовой [8].

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы можно использовать при подготовке вузовских лекций и практических занятий по лингвофольклористике, лингвокультурологии, а также на занятиях в средней школе по культуре Кубани.

Источниками песенных контекстов явились сборники: «Песни кубанских казаков» А.Д. Бигдая [1], «Народные песни Кубани» В.Г. Захарченко [5] и «Народные песни казаков» Г. М. Концевича [9].

В общем материале исследования – 127 исторических, походных и военно-бытовых песен линейных казаков – было выделено 52 песенных контекста с прилагательными, обозначающими светлые цвета спектра, или их однокоренными образованиями.

Наиболее употребительна в песнях линейных казаков колоративная лексика с корнем *бел-*. Прилагательные *белый* (*бел*), *белесенький* присутствуют в 32 песенных контекстах: *Заменяю царскую службу / Животом, сердцем своим, / Но не так животом, сердцем, / Как грудью белою своей* («Уж вы, братцы мои, братцы...») [1, с. 137, № 76]; 1 песенный контекст включает глагол *белеть*: *Той дорожкой проезжали / На пост Братский казаки, / Бурки черные мелькали / И белели башлыки* («В вечер тихий, непогожий...») [Там же, с. 24, № 8].

Чаще всего (в 12 песенных контекстах) эпитет *белый* относится к слову *царь*. Белым народная песня называет русского монарха: *Ой да наши храбрые солдатушки, / Эх, послужите царю Белому* («Поле чистое, турецкое...») [Там же, с. 70, № 35]. «Словарь русского языка XI-XVII вв.» поясняет: «Бѣлый царь – название московского царя в обращении к нему восточных народов (перевод тюркского “ак” в значении “западный”»)» [17, вып. 1, с. 138].

В казачьих песнях семантическая структура слова *белый* включает сему ‘русский’, а эпитет *белый* является постоянным при лексеме *царь*: он характеризует образ царя и в песне, передающей обращение к казаку турецкого султана (*Что у Белого царя, / Гей, да завоевана земля, / Чи на год, чи на два, / Гей, чи на тысячу лет?* («Ой там летели...») [1, с. 118, № 64]), и в песне, рассказывающей о событиях войны с Наполеоном (*Весть по городу пошла, / И до Белого царя... / Про Платова казака* («Из-под горки, с-под горы...») [Там же, с. 57, № 28]), и в песне, описывающей битву со шведами (*Ой приужаснулася, / Ой вот наша армейюшка / Она царя Белого* («Ой приужаснулася наша армейюшка...») [Там же, с. 61, № 31]). В двух последних фрагментах, как и в большинстве песенных контекстов,

белым называют царя не враги, а сами казаки, и цветое прилагательное *белый* обогащается ассоциативно-контекстуальной семой ‘свой’.

Исследователи языка фольклора говорят об оценочности как об одной из особенностей фольклорного слова. В.И. Еремина считает выражение «оценочно-абстрактного смысла через конкретно-чувственные определения» [4, с. 69] эстетическим принципом народной песни. А.Т. Хроленко отмечает, что семантика слова в фольклоре вбирает в себя оценочную компоненту, «которая довольно часто преобладает» [19, с. 153]. Часто в роли оценочных слов в фольклоре выступают цветые прилагательные, нередко теряя при этом свою цветовую определенность [Там же]. Об экспрессивно-оценочном оттенке таких прилагательных писал и И.А. Оссовецкий [13, с. 498].

Белый цвет в фольклоре исследователи считают «универсальным знаком положительного» [19, с. 153], указывающим на то, что достойно «хвалы, чести, уважения, любви» [3, с. 83]. Прилагательное *белый* в сочетании со словом *царь* в текстах кубанских казачьих песен приобретает сему положительной оценки, при этом его цветое значение полностью редуцируется. Белый царь – это хороший, добрый царь. Ученые отмечают, что в XVI-XIX вв. сложилось представление о том, что белый царь – это православный царь [11, с. 143], предстающий в русских текстах «как эталон верховного правителя», воплощающий самые лучшие, самые светлые черты [18, с. 43].

В двух песенных контекстах словосочетание *Белый царь* дополнительно характеризуется определением *русский*: *Русский Белый царь желал / Гордых турок наказать* («Русский Белый царь желал...») [1, с. 46, № 22]. Возникает плеоназм, ведь Белый царь – это и есть русский царь. Такое наслоение можно объяснить двумя причинами. Первую причину появления в фольклорных текстах подобных, на первый взгляд, семантически избыточных сочетаний называет А.Н. Веселовский: он отмечает, что, став постоянным, эпитет перестает воздействовать на слушателя, каменеет, поэтому песня подновляет, освежает его [3, с. 81-82]. Возможно, плеоназм возникает и потому, что песня связывает характеризующий признак (*русский*) с оценивающим (*белый*), образуя сложное определение.

Подобное сложное определение в песне «Да драгунские, братцы, казаки...» относится к слову *платочек*: *[Девчонка] Да своим белым карманным платочком, ой... / Слёзы вытирает* [1, с. 135, № 75]. В этом лексико-семантическом контексте к характеризующему определению *карманный* присоединяется оценивающее *белый*, которое, сохраняя свое цветое значение.

В некоторых песнях высокую положительную оценку

образа русского царя, которую несет в себе эпитет *белый*, поддерживает сопоставление царя с солнцем, выраженное с помощью характерного для фольклора приема отрицательного параллелизма: *Там не солнце осияло, / Не сизой орел летал, / То ж наш Белый русский царь / Вдоль по войску проезжал* («Как ударил гром из пушек...») [Там же, с. 97, № 50]. Солнце – это источник света, а свет в народном сознании – это жизнь и добро [15, т. 4, с. 565].

Примечательно, что в исторических и военных песнях линейцев эпитет *белый* сочетается только с одной лексемой, обозначающей человека – с лексемой *царь*. Образы других людей этот эпитет не характеризует. Лишь в одном песенном контексте присутствует его уменьшительно-ласкательный дериват *беленький* в сочетании со словом *князь*: *Впереди, ой да только идет / Князь наш Беленький* («Сподымались только да ветры ...») [1, с. 143, № 80]. Песня рассказывает о казачьем военачальнике, и уменьшительно-ласкательный суффикс прилагательного *-еньк-*, с одной стороны, может указывать на более низкий социальный статус князя по отношению к царю. С другой стороны, уменьшительно-ласкательный суффикс, будучи в фольклорном тексте знаком положительной коннотации, усиливает положительный оценочный компонент семантической структуры эпитета.

В кубанских народных песнях постоянный эпитет *белый* (*бел*) сочетается также с неодушевленными существительными, обозначающими тело (или части тела) казака и казачьего командира: песня выделяет, например, *белыя руки* атамана Платова, *белыя рученьки* и *шею белую* атамана Краснощекова. Такие сочетания типичны для фольклора, эпитет *белый* в их составе имеет значение «красивый». При этом цветовое значение несколько меркнет, а на первый план выходит оценочный элемент положительной направленности. Употребление таких сочетаний в лексико-семантических контекстах, описывающих ранение или смерть казака на поле боя, подчеркивает красоту подвига защитника Родины и нормативность, «правильность» его смерти – смерти воина-героя: *Храбрый сотник, братцы, Бирюков / Наперед вскричал: ура! / Как пронзила его пуля / Сквозь грудь белую его* («Хорошо было, братцы, в походе...») [Там же, с. 81, № 41]; *Твоего мужа ворона коня ведут... / Седлище на белых руках несут... / Тело бело в черной бурочке везут* («Ой там летели...») [Там же, с. 122, № 66].

Сочетание цветового прилагательного *белый* с существительными *крест* и *крестик* присутствует в 6 песенных контекстах. Лексемы *крест* и *крестик* в казачьих песнях могут обозначать как христианский символ, так и «знак отличия, имеющий форму такого предмета» [16, с. 127].

В пяти песенных контекстах словосочетание *белый крест / крестик* используется для описания внешности командира, ведущего казаков в бой. Такое описание

можно назвать общим местом, характерным для исторических песен линейных казаков Кубани: *С белым крестиком на шее / Князь наш Бейбутов вперед* («Веселитесь, ребята...») [1, с. 13, № 2]; *Сердюков наш впереди, / Под ним коник темногрудый, / Белый крестик на груди* («В шестьдесят втором году...») [Там же, с. 30, № 12]; *С белым крестиком на шее / Николай наш впереди* («Русский Белый царь желал...») [Там же, с. 46, № 22]. Песня изображает внешний облик военачальника таким, каким его видят казаки. Видимым в бою мог быть только крест, который являлся знаком отличия, наградой, тогда как христианский нательный крест носился под одеждой. Во всех исследованных нами песенных контекстах, где описывается казачий командир, указана его фамилия (Бейбутов, Барятинский, Бремер, Сердюков), в одной из песен предположительно упоминается Великий князь Николай. По сведениям историков, и князь В.О. Бейбутов, и князь А.И. Барятинский, и Э.В. Брюммер (в тексте песни – Бремер), и Д.М. Степура-Сердюков (в тексте песни – Сердюков), и Великий князь Николай Николаевич были награждены орденом Святого Георгия, который они носили на шее или на груди. Орден Святого Георгия представлял собой крест, который «покрывался с двух сторон белой финифтью» [2]. Его жаловали «за особенное мужество и храбрость» [Там же]. Знаки этого ордена никогда не снимались. Белый крест ордена Святого Георгия на мундире командира – это символ его доблести и героизма. В представленных лексико-семантических контекстах цветовой эпитет *белый*, сопрягаясь со словами *крест* и *крестик*, расширяет свою семантику: не теряя основного цветового значения, он актуализирует сему *'героический'* и традиционно выражает положительную оценочность.

Лексема *крестик* в сочетании с определением *белый* обозначает православный символ только в одной песне – «Что не соколы крылаты...», где описывается смертельное ранение воина: *Под раkitюю зеленой / Солдат голову склонил... / На грудь ручки положил, / Белый крестик к сердцу жмет... / А из раны кровь течет* [1, с. 40, № 19]. В данном контексте цветовой прилагательное *белый* также контекстуально расширяет свою семантику: в его семантическом пространстве возникает сема *'православный'*. Лексема *белый* (*крестик*) здесь является членом той же смысловой парадигмы, что и лексема *медный* (*крест*): *Под зеленой раkitюю / Русский раненый лежал / И к груди, свинцом пробитой, / Крест свой медный прижимал. / Кровь лилась из свежей раны* («Под зеленою раkitюю...») [Там же, с. 117, № 63]. Хроленко отмечает, что «предельное расширение семантики и функционирование двух и более слов в качестве представителей одной и той же целой смысловой парадигмы приводят к взаимозаменяемости слов» [20, с. 38].

Дважды в исследованных нами песенных контекстах колоративное прилагательное *белый* относится к существительному *флаг*. В песне «Утром рано весной...» опи-

сывается казачий флаг: *Промелькнул белый флаг / У высоких палат / Удальца-молодца атамана* [9, с. 363, № 12]. В песне «Ой приужаснулася наша армеюшка...» упоминается белый флаг, с которым турки сдавались казакам в плен: *Видит турка: дело плохо, / Подымает белый флаг* [1, с. 64, № 32]. В данных лексико-семантических контекстах, скорее всего, на первый план выходит цветовое значение определения *белый*: оно обозначает цвет военных атрибутов – флагов.

Таким образом, прилагательное *белый* относится только к существительным, обозначающим вышестоящих персон, включенных для казака в мир службы (*царь, князь*), а также конкретные предметы, связанные с этим миром (*крест / крестик, флаг, платочек* и др.). О.В. Кондрашова и И.В. Шельдешова отмечают, что мир службы, как и родной дом, являлся для казака «своим» миром, а командиры, сослуживцы, конь были членами его походной семьи [8, с. 265]. В фольклорном тексте «цветовой эпитет соотносится не столько с тем или иным существительным, сколько с той или иной лексико-семантической группой существительных. Он является своеобразным индексом этой группы» [19, с. 153]. В исторических и военных песнях кубанских казаков эпитет *белый* является положительным индексом «своего» казачьего мира.

«Свой» мир характеризуют и другие цветовые прилагательные, семантически близкие прилагательному *белый*: *светлый, ясный*. У древних славян белый цвет соотносился со светом [15, т. 4, с. 565]. Об общности семантики лексем *белый* и *светлый* свидетельствуют этимологические словари. В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных указывается, что общеславянское слово *белый* восходит к индоевропейской базе **bhel(ə)* – «блестеть», «блестящий», «светлый» [21, т. 1, с. 84]. Общеславянский корень **svěťъ*, от которого произведено прилагательное *светлый*, автор словаря сопоставляет с авестийским *spaēta-* – «белый» и древнеиндийским *śvēta-(h)* – «белый», «светлый» [Там же, т. 2, с. 145-146]. В «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н.М. Шанского, В.В. Иванова, Т.В. Шанской отмечается, что слово *белый* происходит от индоевропейского корня **bhā* – «светить, сиять, блестеть» [22, с. 41].

В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» второй лексико-семантический вариант слова *белый* имеет значение «светлый, ясный, прозрачный» [17, вып. 1, с. 137], а пятый лексико-семантический вариант слова *свѣтлый* означает «белый или нетемный» [Там же, вып. 23, с. 147]. В.В. Колесов считает, что значение «светлый» является древнейшим значением прилагательного *белый* [6, с. 44]. Ученый отмечает, что в «Слове о полку Игореве» эпитет *белый* употреблен лишь дважды, в остальных случаях его заменил равный ему по значению эпитет *светлый* [Там же, с. 45]. Подобная игра слов, по мнению

исследователя, возможна в любом поэтическом тексте и объясняется всегда существовавшим параллелизмом между «белым» и «светлым», который определяется зрением как средством и способом познания времени и пространства [7, с. 222].

В песнях линейных казаков эпитет *светлый* присутствует в двух песенных контекстах. В песне «Что, кормилец наш, Дон Иванович...» светлой названа речная волна: *Что, кормилец наш, / Дон Иванович, / Волной светлою не кудря... / Не кудрявишься?* [5, с. 31, № 13]. Дон – это родина, «своя» река, более того, Дон выступает здесь в олицетворенном образе отца и советчика казаков [8, с. 264], поэтому казаки уважительно обращаются к нему – Дон Иванович – и называют его кормильцем. В народном сознании светлое соотносится с хорошим [15, т. 1, с. 151], поэтому прилагательное *светлая* не только называет характерный признак донской волны («прозрачная, чистая» [17, вып. 23, с. 148]), но и выражает положительную эмоциональную оценку образа великой русской реки.

В песне «Вспомним, братцы, про былое...», посвященной генерал-майору Н.П. Слепцову, любимый казаками военачальник описывается так: *Он выходит с ясным взором, / С светлым радостным лицом, / И везде между народом / Пролетает соколом* [1, т. 2, с. 18, № 4]. В представленном песенном контексте прилагательное *светлый* теряет свою цветовую семантику, оно имеет значение «радостный, сияющий (о лице, глазах, внешнем виде человека)» [17, вып. 23, с. 148]. Возникает плеонастическое сочетание *светлое радостное (лицо)*, где постоянный фольклорный эпитет *светлое* подновлен, освежен определением *радостное*. Кроме того, близость семантики этих эмоционально-оценочных эпитетов усиливает экспрессивность выражаемого ими признака и повышает уровень позитивной оценки образа казачьего командира.

В песнях кубанских казаков присутствуют также контексты, включающие слова других частей речи с корнем *свет-*: это существительное *свет* и глагол *освещать*. Песня рассказывает о том, что луна делает светлой дорожку казакам (*Освещала ту дорожку / Чуть заметная луна* («В вечер тихий, непогожий...») [1, с. 24, № 8]); о том, что место, где сражаются, защищая Родину, казаки, это светлое место, оно находится на свету (*Не взбирайтесь, турки, к свету, / Вы остались в дураках* («Посылали мы гостинцы...») [1, с. 56, № 27]). Со светом песня сравнивает славу, которую казаки добыли России (*Днесь воссиял свет в государстве, / Россия стала в славе жить* («Днесь воссиял свет в государстве...») [Там же, с. 53, № 26]). Свет в представлении древних славян был «источником и основным атрибутом жизни» [15, т. 4, с. 565], а понятие *свет* коррелировалось с понятием *добро*. В кубанских песнях свет – это неотъемлемый атрибут «своего» мира, а потому лексема *свет*, не теряя цветового значения, актуализирует дополнительный контекстуальный смысл 'свой' и

обладает положительной коннотацией.

Положительную оценку своего мира выражает в казачьих песнях и эпитет *ясный* (*ясен*), который присутствует в четырех песенных контекстах. В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных слово *ясный* сопоставляется с тохарским *yesan* – «светлый», «ясный» и толкуется в одном из своих значений как «яркий», «сияющий», «светлый» [21, т. 2, с. 474]. В этом цветовом значении постоянный эпитет *ясный* употребляется в трех песенных контекстах, традиционно характеризующих фольклорные образы месяца, освещающего казакам дорогу (*Ах, бывало, месяц ясный / Только на небо взойдет, / Он воздушною тропкою / Спешно в набег нас ведет* («Вспомним, братцы, про былое...») [1, с. 18, № 4]); сокола, с которым сопоставляется атаман Платов (*Не сумела ты, ворона, / Ясна сокола вдержать* («Ты, Россия, ты, Россия, ты, Россиюшка моя...») [5, с. 35, № 15]). Ясной, то есть яркой, блестящей, песня называет и сбрую казачьего коня: *Чи тяжела збруя ясная?* («Ой и по дорожке столбовой...») [1, с. 152, № 86].

Только в песне «Вспомним, братцы, про былое...», где создается портрет казачьего командира Слепцова, прилагательное *ясный* в сочетании с существительным *взор* актуализирует другое, не цветовое значение: «ничем не омраченный», «спокойный» [21, т. 2, с. 474]: *Он выходит с ясным взором* [1, т. 2, с. 18, № 4].

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» отмечается, что со светом у славян соотносился не только белый цвет, но и некоторые металлы – золото и серебро [15, т. 4, с. 565]. Это светлые, яркие, блестящие, к тому же драгоценные металлы: серебро – это «металл светло-серого (почти белого) цвета» [21, т. 2, с. 156]; золото – «металл желтого цвета» [Там же, т. 1, с. 328]. Общеславянское слово *золото* восходит к индоевропейскому корню **ghel-: g'hel-* – «желтый» [Там же], но цветолексема *желтый* нехарактерна для военных и исторических песен кубанских казаков: она употребляется в лишь в одном песенном контексте: *Разливалась речка / По крутым горам... / По желтым пескам* («Ты береза моя, береза кудрява...») [1, с. 115, № 61].

В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» зафиксировано присутствие оценочного компонента в семантике лексем *златой*: «самый лучший, яркий, важный, ценный» [17, вып. 6, с. 361]. Эпитеты *золотой / златой* и *серебряный*, а также однокоренные им лексем *золоченый, серебро* кубанская песня использует в составе украшающих определений, характеризующих «свой» мир: казачьего командира или символ его воинской доблести – боевого коня, а также знаки атаманской власти – бунчуки: *Он [атаман] на сером коне, / Грудь горит в серебре* («Утром рано весной...») [9, с. 363, № 12]; *Гулял майор молодой, / Под ним коник вороной... / Весь уборчик золотой. / Се-*

ребряны стремена... / Золотые удила («Ой на горке, право, на крутой...») [1, с. 128, № 71]; *Среди круга среди казачьего / Золотой бунчук* («Собирались, съезжались в круг линейные казаки...») [Там же, с. 87, № 44]. В двух последних песенных контекстах «образность предметных определений возникает в результате преувеличения, заключенного в определении» [4, с. 65]. Такие определения В.И. Еремина называет идеализирующими метафорическими эпитетами [Там же]. Идеализирующие эпитеты выражают положительную оценку определяемого ими предмета. С их помощью происходит «переключение из правды деталей, вещей, конкретного хода событий в правду характеров, этики, морали, исторической концепции» [12, с. 77].

Лишь в одном песенном контексте определение *златая* (*луна*) не содержит оценочного компонента, а лишь обозначает материал, из которого сделан характеризуемый им предмет – символ мусульманства, полумесяц, водруженный над куполами бывших когда-то христианскими храмов: *Бог поможет луну златую / С храмов Божиих сорвать* («Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон...») [1, с. 45, № 21]. В данном контексте определение характеризует элемент «чужого», враждебного казакам мира.

С уже проанализированными цветовыми лексемами сближается по своей контекстуальной семантике прилагательное *зеленый*, семантическое пространство которого в фольклорных текстах вбирает в себя сему *'светлый'*. На это указывает В.В. Колесов: «Зеленый включал в себя самую светлую часть спектра...: зеленый – светлый, как трава. Светлый цвет» [6, с. 36], сочетание *зелено вино* означает «светлое вино» [Там же]. Слово *зеленый* произошло от того же корня **g'hel-*, что и слова *золото, желтый* [21, т. 1, с. 323], поэтому в народном сознании этот цвет воспринимался как блестящий, сияющий, сходный с желтым и золотым [15, т. 2, с. 305]. А.А. Потенба отмечает, что зеленый цвет в славянском фольклоре может сближаться с белым: «в сербских песнях растения называются белыми – по зеленому цвету листьев» [14, с. 28]. В славянской народной поэзии «к числу распространенных принадлежит обобщение зеленого цвета в смысле свежего, юного, сильного, ясного» [3, с. 83], хорошего, красивого, веселого [14, с. 29].

В текстах кубанских казачьих песен эпитет *зеленый* употребляется в шести песенных контекстах и сочетается с лексико-семантической группой существительных с общим значением «растения»: *дуб, ракета, трава, садик*; в одном песенном контексте он характеризует вино.

В песне «Ой вы горы мои...» эпитет *зеленый* сочетается с лексемой *дуб*: *А на тех на горах, / На горах / Стоит сыр-зеленый дуб, / Ой, зеленый дуб* [1, с. 114, № 60]. Дуб в фольклоре является мужским символом [10, с. 222]. Се-

мантика сложного определения *сыр-зеленый*, характеризующего дуб, вбирает в себя разные смыслы. В.И. Еремина считает, что постоянный эпитет *сыр* при определении дуба означает одиночество, сиротливость: «сыр, сырый, сирий» [4, с. 117]. Цветовой эпитет *зеленый* не только определяет цвет листвы дуба, но и означает молодость. Образ сыр-зеленого дуба соотносится с образом одиноко умирающего от ран молодого казака, о котором и рассказывает песня: *Удал добрый молодец, / Ой молодец. / Он не так-то лежит, / Да лежит, / А лежит он крепко раненный* [1, с. 114, № 60]. В других песенных контекстах, где эпитет *зеленый* характеризует растительные образы, он традиционно для фольклора актуализирует сему 'молодой', означая молодость героев песни: *Мы стояли на горе, / На зеленой на траве. / Гей, гей, урупцы, / Храбрые вы молодцы* («Мы стояли на горе...») [Там же, с. 51, № 24].

Зеленый садик, выше которого проходит шлях-дороженька, уводящая молодого героя песни «Ой выше лесу...» на службу [Там же, с. 145, № 82], является образом большой емкости и может обозначать дом, сад, огород [4, с. 122-123], то есть часть «своего» мира. Семантическая структура слова *зеленый* в единстве с лексемой *садик* включает в себя ассоциативную сему 'свой' и выражает положительную оценочность.

Подводя итог проведенному исследованию, можно

сделать выводы о том, что в исторических, походных и военно-бытовых песнях линейных казаков Кубани светлая часть цветового спектра представлена прилагательными *белый, светлый, ясный, золотой, серебряный, зеленый*, а также их однокоренными образованиями. В семантическом пространстве этих цветолексем присутствует категориальная или ассоциативно-контекстуальная сема 'светлый'. В народном сознании все обозначающие ими цвета связаны со светом, а значит, и с добром.

Почти все лексемы, обозначающие светлые цвета, характеризуют различные компоненты «своего» казачьего мира, а потому их семантическая структура включает в себя сему 'свой' и положительный эмоционально-оценочный коннотативный элемент.

В различном лексико-семантическом окружении цветолексемы могут реализовывать и другие контекстуальные смыслы, зафиксированные или не зафиксированные в словарях: *белый* – 'русский', 'героический', 'православный', 'красивый'; *светлый* – 'радостный'; *ясный* – 'спокойный'; *золотой, серебряный* – 'самый лучший'; *зеленый* – 'молодой'. При этом цветовое значение этих слов может частично или полностью редуцироваться.

Дальнейшие исследования могут быть связаны с изучением колоративной лексики, обозначающей темные цвета спектра в песнях линейных казаков Кубани.

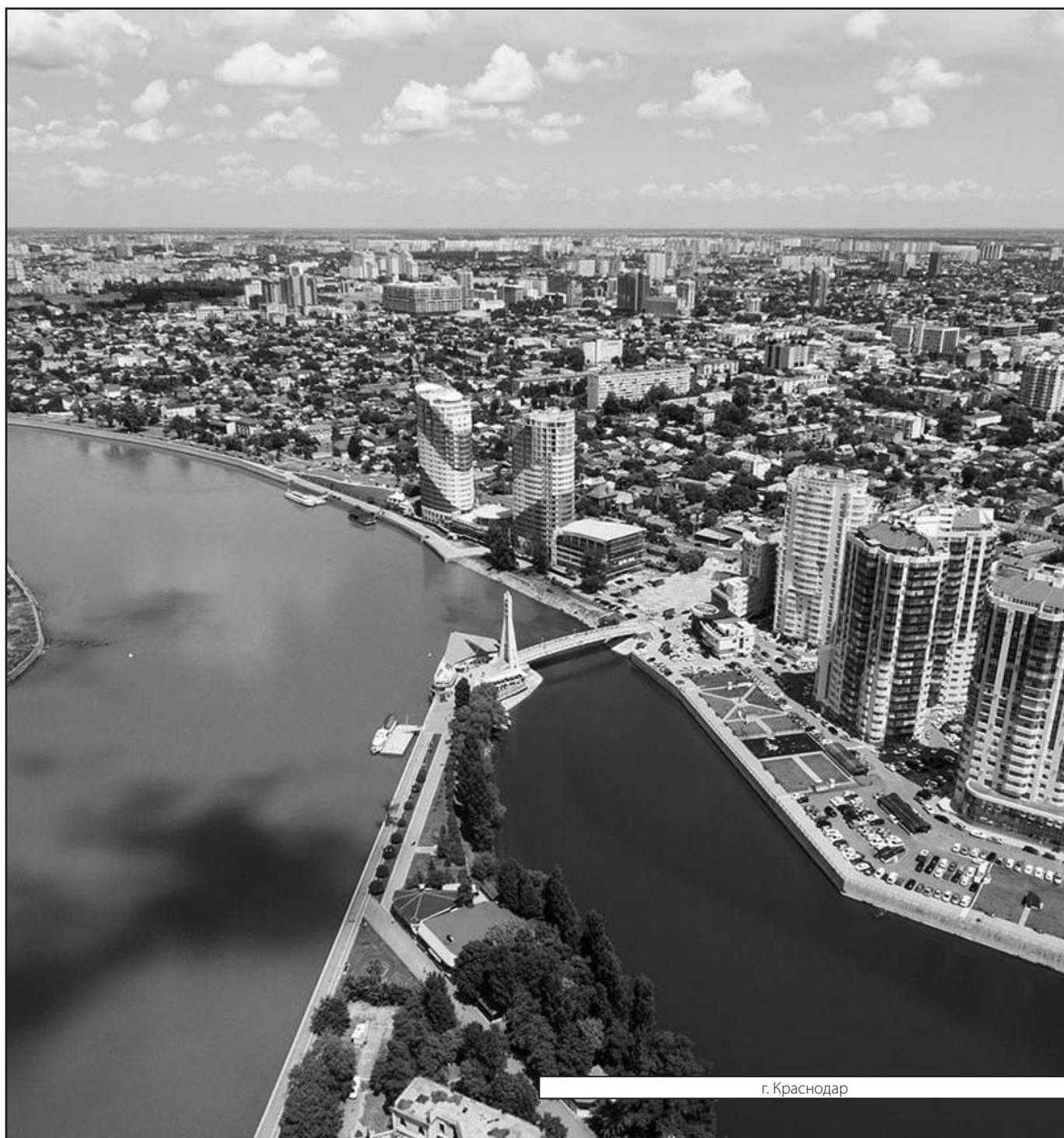
ЛИТЕРАТУРА

1. Бигдай, А.Д. Песни кубанских казаков: в 2-х т. / [А.Д. Бигдай]; под ред. В.Г. Захарченко. – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1995. – Т. 2. – 512 с.
2. Большая российская энциклопедия 2004-2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru> (дата обращения: 12.09.2023).
3. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – Ленинград: Художественная литература, 1940. – 648 с.
4. Еремина, В.И. Поэтический строй русской народной лирики / В.И. Еремина. – Ленинград: Наука, 1978. – 184 с.
5. Захарченко, В.Г. Народные песни Кубани: сборник: в 2-х вып. / В.Г. Захарченко. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1987. – Вып. 1. – 320 с.
6. Колесов, В.В. История русского языка в рассказах / В.В. Колесов. – СПб: «Авалон», «Азбука-классика», 2005. – 224 с.
7. Колесов, В.В. Мир человека в слове Древней Руси / В.В. Колесов. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1986. – 312 с.
8. Кондрашова, О.В. Лексемы «семья, род, родина» в исторических и военно-бытовых песнях линейных казаков / О.В. Кондрашова, И.В. Шельдешова // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: материалы III Международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 259-266.
9. Концевич, Г.М. Народные песни казаков / Г.М. Концевич. – Краснодар: Эдви, 2001. – 448 с.
10. Костомаров, Н.И. Славянская мифология. – М.: Чарли, 1994. – 688 с.
11. Лебедева, Г.Н. Семантика цвета в русской традиционной культуре / Г.Н. Лебедева // Царскосельские чтения. – 2011. – С. 142-146.
12. Оссовецкий, И.А. О языке русского традиционного фольклора / И.А. Оссовецкий // Вопросы языкознания. – 1975. – № 5. – С. 66-77.
13. Оссовецкий, И.А. Стилистические функции некоторых суффиксов имен существительных в русской народной лирической песне / И.А. Оссовецкий // Труды Института языкознания АН СССР. – 1957. – Т. VII. – С. 466-504.
14. Потенба, А.А. Символ и миф в народной культуре / А.А. Потенба. – М.: Лабиринт, 2000. – 480 с.
15. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения и балканистики РАН. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 1. 585 с.; 1999. – Т. 2. 702 с.; 2009. – Т. 4. 656 с.
16. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1986. – Т. 2. – 736 с.
17. Словарь русского языка XI-XVII вв.: в 30-ти вып. / АН СССР; Институт русского языка; отв. ред. С.Г. Бархударов. – Москва: Наука, 1975. – Вып. 1. – 375 с.; 1979. – Вып. 6. – 363 с.; 1996. – Вып. 23. – 253 с.
18. Трепавлов, В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV-XVIII вв. / В.В. Трепавлов. – М.: Восточная литература, 2007. – 255 с.

19. Хроленко, А.Т. Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор: материалы и исследования. – Л.: Наука, 1979. – Т. XIX. Вопросы теории фольклора / Отв. редактор А.А. Горелов. – С. 147-156.
20. Хроленко, А.Т. Введение в лингвофольклористику / А.Т. Хроленко. – Москва: Флинта, 2010. – 190 с.
21. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. / П.Я. Черных. – М.: Русский язык, 1999. – Т. I. – 623 с.; Т. II. – 560 с.
22. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.

© Епатко Татьяна Александровна (epatko.t.a@yandex.ru), Бурдун Светлана Владимировна (010670@bk.ru),
Белоусова Ольга Анатольевна (elpashevaoo@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



г. Краснодар